

Ирина Чуднова

ТАМ ВЕТРА ГОЛОС ЧИСТ

Над водой зависла стрекоза,
плачет за кладбищем зимородок.
У любви упрямый подбородок
и животворящие глаза.

Здесь лениво плещется весло,
здесь скрипит соха, здесь ветер в поле...
Мне с тобой не очень повезло,
но с другою повезёт не боле.
Ведь любить – талант и ремесло
птиц подбитых ставить на крыло.

Зимородок канул в синеву,
вой над свежерытой могилой.
Пахнет клевером, сырою силой,
нынче смерть порядком накосила –
Значит время баб валить в траву,
чтобы вспомнить, отчего живу.

а в глубине когда-то милых глаз
затравленный волчонок, с репьями
на хвосте, скулит, лишайный, дрожит,
больной и слабый. протягиваю руку его
погладить

...и просыпаюсь.

вот оно – проклятье бессильной жалости –
кого винить? кому довериться?
кого позвать на помощь?
дырявым ртом глотаю постный холод из
закопанных плошек фонарей. ломит виски.
молюсь. не помогает.

лбом тычусь в пот стекла, в запрошлый морок,
в полуистлевший рукописный лист.
там прошлое, там степь, там рвётся порох,

там кони ржут под злых нагаек свист,
там ветра голос чист, кузнечик звонок,
лилов бессмертник, горек тамариск.
там смерть ясна –

и пусть бы твой волчонок
в тот самый час
мне горло перегрыз.

ТНАДМОДЕРНИЗМ (АЛЛЮЗИВНОЕ)

Н. Зонову

В час, когда всё дотла догорело, осталась одна зола,
и дожди остудили прах, ты в землю воткнул два кола,
на белый повесил тулуп из зайца, на красный – картуз,
и кровавое солнце лепилось на спину в бубновый туз.

С колотушкой явился февраль, нарыдал поднебесье чернил,
гопота расколола фонарь над аптекой в метель – ты чинил,
подобрал наконец башмачки, что в тот месяц всё падали на пол.
Положил эти ночи на дюжины стонущих плеч –
хорошо б наконец от зимы отдохнуть и прилечь,
но слезилась зануда-свеча, воск в клепсидры истории капал...

Небо узкое хмурится, жрёт провода и плюёт шелуху ворон,
ежедневно в Останкине башня играет реквием солнечных похорон,
и в окрестных домах реновацией грезят глазницы,
но страшатся её, подтянув по-хрущёвски балкон
к подоконнику. Если тебе не спится, и чтобы не спиться,
забаррикадируйся вирусом, космосом с тысячи тысяч сторон.

И, сполна отработав свой ад, номерку на ноге вопреки,
я, быть может, узнаю, в какую манипулу встанут мои стихи,
и какой позвоночник им флейтой положит посмертный Вергилий.
Надевай же на правую руку митенку с левой руки,
на той самой подножке, на плахе трамвайной тоски,
на которой пристало стоять, пока нас до конца не забыли.

Пока нас наконец не зарыли. До дыр замусолив тетрадь –
если надо стихи объяснять, прощай лошадь у бабы отнять
на скаку – пусть пожар до венцов нижних избы-читальни залижет,
как котят. Так-то, брат, Геродот-Герострат, жги глаголом –

они не горят, я же вижу!

Мела метла. Метель звала метель,
дразнилась, мол, уйду не раньше мая!
Студент, как долговязый коростель,
шёл, по-кропоткински коленки задирая.

Лёд щерился щербато на залив,
просили каши хлипкие ботинки,
хотелось есть. Курить парадных дым.
Был уговор: у памятника Глинке

забрать конспект. Отдать диплом
в печать. Досдать хвосты.
Доделать два доклада...
А по Неве неверно –
вверх и вспять –
ползла небес железная армада.

а снизу плыл Харон.

Смех, солнце, воробьи
весной растят тротил анархии
в крови.

НАД ТОМЬЮ

В. Максимову

Снова зима прирастает опушкой,
кружевом леса. Семнадцать шагов...
То ли ветла, то ли звон под подушкой,
то ли обрывок злых черновиков
ей угрожают, ей угождают –
месяц трёхгранный, стилет золотой
чешет небес воспалённые гланды,
режет над Томью стоячий покой
в города горькую с лета креманку,
стружкой кокосовой в мох пустырей,
в скверы, залётного света подранки,
крошит серебряный вспорх сизарей,

паром котельных аранжирует
вещие странноприимные сны –
этим мороженым-ряженым будешь ты
болен и сыт до весны.

Н. Зонову и В. Максимову

...в Алаеве чистилище –
ветра.

Кресты. Кедрач. Косых снегов игла –
а мы чисты, и хоть сейчас в разведку.

Берёз в поленнице размечены листы:
оплот тетрадной школьной простоты –
в линейку, в клетку.

Гудит в печи печаль,
фонарь – шесток луча –
сверчок неверного, разбрызганного света.

Цикаду помнит сладкий белый чай,
ты пей, дружище, да на ус мотай:
в ночи взял жертву уркаганский ветер

забором. Мог бы крышей.
Месяц май, дай бог, придёт –
и сам за всё ответит.

Зачем мы здесь? А надо нам куда?
до ада тоже ходят поезда.
Бери билет, грехи и будь покоен.

Бывай, чистилище!
Косых снегов игла –
кедрач. Кресты. Три тени, два ствола.

На семь границ шального тракта корень
ведёт до города, трамваев и тепла
(туман, спидометр, восток, сырая мгла)
сквозь слепоту порожних дальнобоев.